

Литературный МОЯК

№ 8
(225)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината Тепличный

СЛОВО РЕДАКТОРУ

*Любезный
читатель,
здравствуй.*

Хочу в этой колонке сегодня вспомнить Михаила Сопина (1931 - 2004). 12 августа ему исполнилось бы 85 лет.

Михаилу Николаевичу Сопину достались трудная судьба и ответственное звание Поэта.

Родился он на Куршине в 1931 году. Война прокатилась через его родные места огненной лавой. С Красной Армией, сыном полка, он дошёл до Берлина.

А после войны была первая судимость за хранение оружия (а оно в то время было везде). Вторая... Тоже не за политику. Как сам позже, усмехаясь, говорил: «Хулиганя». Времена были жёсткие, и пришлось будущему поэту, опять же по его словам: «жить на Северном Урале долго и мучительно». Он отбывал срок в пермских лагерях. Позже написал:

«Стой, человек!..
Застыл я, не дыша...
Ржавь проволоки,
вышки да берёзы...
Я камень сдвинул,
а под ним душа,
Прильнул к травинкам,
завзелени слёзы».

Там, где, кажется, о душе и творчестве меньше всего думается, Михаил Сопин стал поэтом. Позже судьба привела его в Вологду, где стали появляться его книги, пришло признание...

На своё последнее выступление перед публикой он приехал из больницы, туда же и вернулся, прочитав стихи. А через несколько дней, 11 мая 2004 года, его не стало. Ушёл, как солдат, до конца исполнявший долг.

Не о своей «судьбинуске» он страдал, не себя жалел. Боль Родины прошла через сердце поэта. В его судьбе и поэзии отразилась судьба страны и народа...

МИХАИЛ СОПИН

***

*Иду среди скопищ и сборищ
Глуцов и пророков.
Иду издалёка,
Бог знает, в какое далёко.
И тёмную ношу несую я,
И светлую ношу.
И друга в печали,
И недруга в скорби не брошу.
Под таинством неба иду я,
По таинству поля.
Людская неволя во мне
И Господняя воля.*

Так и мы идём «под таинством неба». И все в одну сторону. Дай же нам, Бог, «и друга в печали, и недруга в скорби не бросить»...

Вечная память Русскому Поэту Михаилу Сопину.

**ДМИТРИЙ
ЕРМАКОВ.**

Иван Полуянов - певец природы, знаток истории

6 августа исполнилось бы 90 лет замечательному русскому писателю, нашему земляку Ивану Дмитриевичу Полуянову (1926. 08. 06 - 2008. 01. 08). Многим поколениям читателей он известен и памятен, как автор рассказов и повестей для детей, прекрасный знаток и певец природы. Его «Месяцеслов» - это глубокие и точные рассказы о природе, сведения о том, как жили наши предки, приметы, пословицы, поговорки на каждый месяц. Почти тридцать лет Иван Полуянов писал монументальное историческое полотно «Самозванцы». И. Д. Полуянов был членом Союза писателей СССР с 1957 года, он автор двух десятков книг, изданных в различных издательствах страны, совокупный тираж которых превысил полтора миллиона экземпляров.

«Вот недооцененный писатель!» - воскликнул однажды при упоминании имени Ивана Полуянова известный писатель Владимир Личутин. Будем же помнить и ценить.

Иван ПОЛУЯНОВ

Рыжики

Знал я одно местечко, хранил и берёг. Было за что: попадешь туда - корзину сполна наберёшь. Одних белых грибов. Одних рыжиков. Поднимешься на бугор в сосняк - пойдут белые. Спустишься вниз к сырой моховине - изволь, рыжики рассыпью. Говорят: «Делу - время, потехе - час». Тут же нередко бывало наоборот. Грибы собираю час, остальное время гуляю как хочу. Стали мне знакомыми земляничные поляны, приметные муравьища и даже старушка жаба. В пещерке между корнями она пряталась. «Почему меня не любят?» - вопрошали её печальные глаза. Бурая, вся в бородавках, жаба неуклюже вылезла из-под корневищ, когда я подходил к ёлке, и глаза у неё были печальные и мудрые, а на спине хвойные иголки.

Славное было грибное угодьё.

А явился раз... Где мои белые? С корнем выдраны. Где рыжики? Сапогами моховина истоптана, окурки набросаны...

Очень не везло в тот день. Сколько лесу обошёл, а в корзине перекачивались по дну три подосиновика. Без счастья и по грибы не хо-

дят. Попадал я то в болото на гари, то в глухой ельник или заросший высоченной травой березняк, где заведомо и поганки не растут. Наконец на вырубке застрял: ни взад ни вперёд. Коряги, валежины. Кустарник частый, как гребень. Не до грибов, лишь бы выбраться! Положим, повернуть назад я мог. Набрать сыроежек, опять можно было возле шоссе. Но что лучше: сыроежки или белые грибы и рыжики? То-то и оно. Ведь что за прелесть были белые-то в моём местечке! Помню, утро было прохладное, руки зябли. Нашёл я боровиков на пригреве, все круглоголовые, лобики у них умные, крутые. Загорелые этикие крепыши на толстых ножках. Солнцем их хватило, были они тёплые, брал и ладони о шляпки грел!

И как-то жаба там - к спинке хвойные иглы налипли? Старая она, старая, одышкой страдает.

Отчаянно я продирался сквозь кусты, подогревая свою решимость воспоминаниями о былых удачах, и не предвиделось конца-краю вырубке, заколоченной, закоряженной...

Что и было бы со мной, да лоси помогли!

Как так?

А вот как. Набрёл я в кустах на вырубке на лосиную тропу и пошёл по ней. Известно, лоси зря ноги мять не станут, их дороги самые прямые и удобные. Только, что лосям удобно с их ногами ходить, не всегда нам годится. Кочки, валежины. Крапива... Пришлось помучиться, пока тропа лосей вывела в лес.

Точь-в-точь такой же был высокоствольный этот лес, как и заветное моё грибное местечко: повыше поднимешься - белые грибы; вниз, к ручью спустишься - рыжики рассыпью.

Скоро корзина стала располнёхонька. Выбрал я валежину, чтобы отдохнуть. Ну-ка, кто здесь будет мои знакомые? Синички - озорные белошёртки непоседы. На кустах попищали, повеселились - и порх, улетели. Бабочка, жёлтый махаон, опустилась на лиловый цветок лесной герани, свела крылышки шалашиком, тоже, знаете, знакомиться не желает...

Вдруг мимо, шагах в полтора-ста, по просеке важно и медленно

прошли лоси. Лосиха с двумя лосятами. Она бурая, в белых таких чулках, её телаята рыжие. Посмотрел я на них, как за мамой шествуют: ну и рыжики!

Это по их тропе я вышел из лесу. И то сказать: лоси не меньше нашего любят грибы. Они грибознаи, каких поискать: из болот к рыжичным местам идут за многие километры. Однако отнюдь не значит, что, идя их тропой, всегда к грибам летом выйдешь. Если и выйдешь, то убродишься: великаны-грибознаи - ходоки, им и десять вёрст не оклица! Просто повезло мне: без счастья, как говорится, и по грибы не ходить.

Россия. Вологда. Белов.

С 19 по 23 октября в Вологде состоятся
III Всероссийские Беловские чтения.

Впервые в рамках чтений будет проведён молодёжный литературный семинар. Семинар проводится по инициативе Центра писателя В. И. Белова.

Начинающие вологодские авторы в возрасте от 15 до 22 лет представят свои стихотворные и прозаические произведения на обсуждение авторитетного жюри, в состав которого вошли члены Союза писателей России, признанные литераторы, учителя русского языка и литературы общеобразователь-

ных учреждений, в частности, А. А. Шорохов - секретарь правления Союза писателей России, А. К. Сальников - главный редактор журнала «Лад Вологодский», известные вологодские авторы, лауреаты литературных премий: Р. А. Балакшин, Т. Е. Бычкова, Д. А. Ермаков, Н. М. Мелёхина, И. А. Чурбанова, А. А. Цыганов и др.

Произведения, присланные в адрес Центра писателя В. И. Белова, будут прочитаны членами жюри, авторы сорока лучших произведе-

ний будут приглашены на очный семинар.

Для участия в семинаре необходимо представить: заявку, указав ФИО, возраст, место учёбы, работы, контактный телефон, наименование произведения; творческую работу, согласие на обработку персональных данных.

Объём авторских подборок: поэтическая подборка - 3-5 стихотворений; прозаическая подборка - 1-2 рассказа, очерка.

Участие в семинаре бесплатное.

Заявки и произведения принимаются до 10 сентября 2016 года по адресу: г. Вологда, ул. Щетинина, д. 5, chteniya_belov@mail.ru, 8(8172) 51-50-10 - Мария Александровна Борисова, руководитель Центра Василия Белова.

Круги моего интереса к Усть-Печеньге сужались постепенно...

Увидел интереснейшие краеведческие статьи и книги Александра Кузнецова и захотел познакомиться с ним - благо, интернет нынче даёт такую возможность. Познакомились, и я узнал, что живёт он в Усть-Печеньге.

Познакомился с прекрасным художником Евгением Молевым, и оказалось, что одна из главных его работ «Над Русью облака» сделана в Усть-Печеньге. Репродукция этой картины появилась на стене в моем «кабинете» - кладовке: серебристые избы на зелени травы, проблеск реки, дома заречной деревни, белоснежный храм, облака

асфальтная. Автобусы почему-то часто не ездят, и приходилось идти пешком, надеясь на попутку. И дистанция-то почти такая же была - 18 километров...

Мы с Ирой шли и шутили, что, мол, к четырем-то и так дойдём - на 16 часов была назначена встреча с читателями в библиотеке деревни Усть-Печеньги (все время тянет назвать селом, но официально - это деревня).

Впрочем, шли мы недолго, вскоре нас встретил на машине Александр Васильевич, и продолжился наш путь к заветной Усть-Печеньге уже на колёсах.

Лес по сторонам дороги молодой, лиственный. «А это все бывшие вырубки. Здесь же все лес-

домов, мимо чудо-церкви Покрова Пресвятой Богородицы, на берег скромной красавицы труженицы Сухоны...

Здесь я прерву свой рассказ и приведу текст брошюры «Деревня Усть-Печеньга», написанный Александром Кузнецовым.

«Устье, Усть-Печеньга, Устье Печенгское - все эти имена относятся к одной и той же деревне. Возникла она не раньше XVI века на левом берегу Сухоны или на «ходучей стороне» (по этому берегу шёл «бичевник» - дорога бурлаков, тянувших суда и баржи. - Д. Е.), как его называли в старину. Топоним Печеньга в переводе с древнего финно-угорского языка на русский озна-

ных дома, где зарегистрировано 240 жителей.

В годы советской власти Усть-Печеньга стала центром Усть-Печенгского сельсовета и колхоза «1-е Мая». Долгое время последним руководили Н. Н. Юрзин и В. Н. Никулинский. Из бывших председателей сельсовета можно назвать имена М. В. Кулаковой, Н. А. Волокитиной. (Пусть, пусть и здесь прозвучат фамилии этих незнакомых мне, но достойных людей - кто-то помнит их, кто-то вспомнит. - Д. Е.).

В 1974 году взамен старых деревянных было выстроено новое кирпичное здание школы, которое стало настоящим украшением деревни. По многу лет дирек-

мученицы использовались сначала под пересыльные тюрьмы, потом под склады, МТС и т. д.), в нем совершались службы, сюда стремились верующие из всех окрестных и дальних сел и деревень. Сейчас постоянного священника в Усть-Печеньге нет - приезжает на праздничные службы, но храм и прихрамовая территория в полном порядке.

В порядке и соседние дома, с резными наличниками, с палисадами и ухоженными огородами. Жаль, что не стало в Усть-Печеньге школы, что магазинов уже не три, а два, что во многих домах живут лишь в летнее время... Но жизнь ещё крепко, как сосны на Сухонском берегу, дер-

Дмитрий ЕРМАКОВ

От устья к устью

- объёмные серебристо-белые... Я ещё не был там, а уже видел все это...

Поездка в Усть-Печеньгу становилась неизбежной.

В середине июля, договорившись с Кузнецовым, мы с женой ехали в автобусе «Вологда-Тотьма»... Об этой дороге, о деревнях и посёлках, лугах, лесах, о широкой Сухоне, о холмах и речушках... О людях, с которыми уже встречался на этой дороге - хоть книгу пиши...

И всю дорогу такие же, как на картине, низкие пухлые облака плыли навстречу нам.

Мы вышли на остановке «Красный Бор», не доехав до Тотьмы километров двадцать. И только сейчас я понял, что уже бывал на этом перекрёстке...

В одну сторону от большака на указателе значилось: «Усть-Печеньга - 17 км», в другую - «Красный Бор - 6 км».

Тридцать с лишним лет назад я бывал в посёлке Красный Бор. И даже не раз бывал я там, в семье друзей моего брата Коли. В первый раз именно с ним. Помню, как ходили на охоту на речку Тафту, ночевали в доме в пустой деревне. Второй раз - с братом Володей. Возвращались домой с корзиною грибов. Прямого автобуса до Вологды почему-то не было, мы добрались до Кадникова, и там нам пришлось ночевать. В пекарне! Нас просто пустили переночевать в пекарню... Запах и вкус горячего хлеба, угол для ночлега - то, чем поделились с нами совершенно незнакомые люди... Вот какие приключения уже бывали со мной на этой дороге...

А сейчас мы с Ириной стояли на обочине, со всех сторон был лес, нас радостно атаковали слепни и оводы, до Усть-Печеньги было семнадцать километров, а Александр Кузнецов должен был подъехать на своей машине лишь через полчаса (видимо, водитель автобуса спешил, и мы приехали гораздо раньше указанного в расписании времени). Мобильная связь благополучно не работала.

Решили не ждать, а двигаться навстречу. И мы шли по плотноукатанной, сухой грунтовой дороге, отгоняя ольховыми ветками крылатых паразитов. А мне вспоминалась дорога моего детства - от деревеньки Суворково до Грязовца, такая же в то время без-

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Усть-Печеньге

промхозы были, - рассказывает Александр Кузнецов. - И Красный Бор - леспромхозный посёлок. Бор-то давно уже вырубил, посёлок остался... Вот по этой дороге лес и везли к Сухоне, а там в воду...

Природа возвращает своё - вырубил лес, прошло 50-40-30 лет, и вот уже новый лес. А в тени берёз и осин подрастают ели да сосны, пройдут ещё годы, и снова будут шуметь боры... Все возвращается... Все ли?..

Мимо пустующих животноводческих помещений («Бывшие колхозные телятники», - пояснил Кузнецов) въезжаем в Усть-Печеньгу. Ряды изб, огороды, храм, облака... Все как на картине Евгения Молева. А вот современное белокирпичное здание Дома культуры. Дальше тоже из белого кирпича - магазин. Это все построено, конечно же, в «застойное» время начала 80-х прошлого века.

Аккуратные двухэтажные «учительские» дома, в одном из которых и живут учителя Кузнецовы. Рядом и здание школы - большое и пустое. Была средняя школа - и нет, закрыли... А на пороге квартиры нас уже встречает гостеприимная хозяйка, жена Александра Кузнецова - Татьяна...

После обеда, пока ещё было время до встречи в библиотеке, в сопровождении Александра Васильевича идём в деревню, мимо высоких с обширными дворами настоящих северных

чаев «Сосновая река». Вероятно, начало русскому селению напротив устья Печеньги у высокого берегового обрыва, поросшего вековыми соснами, дал церковный погост, вокруг которого постепенно стали появляться крестьянские дворы.

На самом же деле люди выбрали это примечательное место ещё в каменном веке. Мезолитические и неолитические стоянки существовали здесь в 6 - 4 тыс. до н. э. На окраине современной Усть-Печеньги археологи нашли также следы поселения железного века, которое датировали началом 1 тыс. н. э. До русских по берегам Сухоны и её притоков жили финно-угорские народы...

Впервые Устье Печенгское упоминается в писцовых книгах Окологородской волости 1623 года. Тогда в деревне кроме деревянной Покровской церкви было 6 дворов черносошных крестьян да 1 двор бобыля (безземельного человека), в которых проживало 11 «людей» (т. е. мужчин). Во второй половине XVIII делилась отдельная Усть-Печенгская волость, а деревня стала селом - волостным центром с церковью. По материалам Генерального межевания 1780-х годов в нем насчитывалось 6 дворов, в которых по ревизии числилось 18 мужчин и 16 женщин... В 1856 году в деревне было уже 14 дворов с 92 жителями, в 1908 году - 33 дома и 192 жителя, а в начале XXI века - 72 жилых и дач-

ными школы работали М. П. Котичгов, А. В. Протопопова, Т. И. Протопопова.

С 1989 по 2007 год школа дала среднее образование. В настоящее время МБОУ «Усть-Печенгская школа» и детским садом «Улыбка» руководит директор Л. Г. Игнатъевская. В деревне есть библиотека, фельдшерско-акушерский пункт, почтовое отделение, три магазина.

Бывшие колхозные земли вошли в состав агрофирмы «Устьюмолоко». С 2006 года, после ликвидации Усть-Печенгского сельсовета, деревня Усть-Печеньга относится к МО «Калининское».

Рядом с Усть-Печеньгой нет больших массивов сельскохозяйственных угодий, а многие жители находили себе работу связанную с рекой или лесом, поэтому в народе говорили: «Устьяне - не крестьяне». Бытует ещё в деревне и такая любопытная поговорка: «От Мыса до Покрова - тридцать три рова». Рвами здесь называют глубокие овраги, рассекающие обрыв над Сухоней. Мыс - соседняя с Устьем деревня. Точное количество оврагов между Покровской церковью и мысом никто не считал, однако примечательно, что в поговорке использовано сакральное число 33!»

Зачем я почти полностью привёл здесь текст Александра Кузнецова? А чтобы напомнить ещё раз всем нам, что у каждой русской деревни есть своя деревня и новейшая история, в каждой жили и живут замечательные люди, и даже поговорки в каждой деревне есть свои. А деревень в России (бывших и ныне живущих) сотни и сотни тысяч - они-то и есть глубинная, материковая Россия, благодаря которой живут большие города и столицы, которые, впрочем, тоже были когда-то деревнями...

... Прекрасен Покровский храм! Хотя строился он с большими перерывами, отчего в нем и смешались «тотемское барокко» и «псевдорусский стиль», все части столь соразмерны, а весь храм так органично вписан в ландшафт, что «разностилевость» архитектуры не сразу и замечается и является, скорее, художественной особенностью.

Храм, в отличие от многих и многих, не закрывался, не использовался под хозяйственные нужды (почти повсеместно наши церкви-

жится за эти места и, даст Бог, не оставит их!

Целая старая мальчишек и девчонок на великах, трезвоня звонками, обгоняет нас на спуске к реке - внучата к бабушкам-дедушкам приехали, и то хорошо!

... Сухона здесь широкая и спокойная... Когда-то, не так и давно, она тащила плоты, по ней шли гружёные стройматериалами, товарами баржи, плыли неторопливые теплоходы и почти летала быстроходная «Заря». Все знали, что водный транспорт - самый дешёвый и экономичный. Десятки, сотни мелких катеров, лодок сновали по реке. Люди рыбачили, люди ездили отдыхать семьями на речки-притоки Сухоны... А помните у Рубцова: «В леса глухие, в самый древний град / Плыл пароход, встречаемый народом...» По Сухоне, от самой Вологды до самого Великого Устюга плыли пароходы-теплоходы с писателями: и тот же Рубцов, Яшин, Романов, Белов, Чухин... - выходили на пристанях, встречались с людьми. Сухона помогла донести до людей и слово писателей... Говорят, что и в Усть-Печеньге приставал такой теплоход, и кое-кто из писателей захаживал в Покровскую церковь...

Река работала. Работало Сухонское речное пароходство. Кто бы мне объяснил - почему самый экономичный вид транспорта стал невыгоден? Последний экономический подвиг руководства пароходства перед окончательным крахом - строительство на территории конторы и мастерских многоквартирных домов. Так что крах пароходства - для кого-то наверняка стал широким шагом к обогащению...

Гладь реки пустынна, мощное движение воды невидимо глазу. Отражённые облака плывут в береговой оправе... Может, и реке надо отдохнуть. Может. Но после отдыха нужно снова работать, иначе, как в любом живом организме - застой и болезнь. Пора Сухоне снова браться за дело! Я убеждён, что когда снова поплывут по ней баржи со стройматериалами и теплоходы с писателями, все наладится и на берегах: и колхозы (как их ни назови) заработают, и люди в городках и деревнях будут оставаться жить, и школы не будут пустовать...

Рыбак, обычный мужик в броднях и брезентовой куртке, при-

вызывает деревянную вёсельную лодку к стволу ивового куста, вышагивает на берег, здоровается.

- Есть чего? - спрашивает Александр Васильевич.

- Нет, - коротко отвечает рыбак, наверное, потому что рядом мы - незнакомые ему люди...

От реки поднимаемся через основную гриву по береговому откосу к деревне. Вскоре в библиотеке, которая находится в том самом Доме культуры из белого кирпича, я встречаюсь с читателями...

Слава вам, сельские библиотекари и работники культуры! Низкий поклон! Спасибо и лично Ольге Николаевне Немировой (и всем библиотекарям сельских и районных библиотек, которые организовывали мои встречи с читателями). Попробуй-ка, собери посреди лета людей в библиотеку. Собрала. Спасибо.

Я люблю эти маленькие библиотеки, где можно ходить между стеллажами, брать книгу, листать, ставить обратно и брать другую... О, запах книжных страниц! Ты - запах детства, запах мечты, запах счастья...

Я люблю этих людей, которые всегда приходят на встречи, слушают, задают вопросы. В самой уж так называемой «глубинке» есть они - книголюбцы... Я не понимаю авторов, которые заявляют, что они, мол, «для себя» пишут. Я пишу для читателей, вот для этих самых людей, которые отложив свои дела, пришли, чтобы познакомиться со мной...

И мы знакомимся, разговариваем... А потом ещё осматриваем местный музей, в котором, конечно, традиционная лодка-долблёнка из цельного осинового ствола, кросна, прялки, посуда... Все это надо помнить, знать, хранить, чтобы не потерять самих себя.

Здесь же и постоянная выставка картин местного художника Валентина Николаевича Бараева. Человек он флотский. Художник, как говорится - «самочулка» (но научился очень даже неплохо!) Много картин посвящённых морю, много, конечно, и здешних пейзажей. А места такие! Не зря же здесь и знаменитые наши живописцы работали: Владимир Корбаков, Валерий Страхов. О Евгении Молеве я уже говорил.

Валентин Николаевич живёт в соседней и совсем недалёкой деревне Мыс, той самой, до которой по местной поговорке 33 «рова». Вечером мы и пошли в гости к художнику. Оврагов я не заметил - дорога вполне приличная, ровная и совсем недалёкая - мимо пустыющей школы, вдоль Сухоны. И вот на угоре гордо стоит этот дом, первый в деревне. Здесь уже ждёт нас хозяин. На стенах в доме картины, фотографии, на столе - все, чтобы хорошо «посидеть», чтобы развязался язык... Мы разговариваем, и, «как живые в наших разговорах» - Рубцов, Романов, Белов, Леонид Беляев...

- Вот здесь у меня и Страхов сидел, и Молев, - говорит хозяин. В окно, через деревья видна Сухона, тихий вечер...

Мы прощаемся. И в душе остаётся тёплое чувство от знакомства с ещё одним хорошим человеком. Но и горчинка, горчинка... Недавно ушла из жизни его жена, и вот сейчас он останется один в этом доме с картинами и фотографиейми... Помогай ему Бог!

Идём по сумеречной дороге, и Александр Васильевич рассказывает, что здесь, неподалеку, с

учениками находил стоянки древних людей и обещал дома показать изделия из кремня. И я задумую его ученикам! Бывшим ученикам...

... Уже утром мы осматриваем небольшую коллекцию, и я впервые в жизни беру в руки то, что раньше видел лишь за музейным стеклом - наконечники копий и стрел, скребки для обработки шкур. Люди, жившие здесь несколько тысяч лет назад, были не глупее нас. И уж, точно, рукодельнее многих из нас. Попробуй-ка ударом камня о камень сбей такие аккуратные чешуйки. Или скребок - он же сам в руку (и именно в женскую руку моей Ирины) ложится, там даже выемки для пальцев сделаны... И они красивы эти наконечники и скребки, да-да, они изящны, потому что красота и практичность неразделимы. Так было тысячи лет назад, так и сейчас: некрасивое - бесполезно... И я силюсь понять - кто они, те люди, что жили вот здесь, на берегу этой самой реки, видели такие же рассветы и

ко города и деревни связаны реками, но и времена жизни связаны ими же...

Но не по реке, а по дороге едем мы в Вологду. За окном промелькнул указатель на Усть-Печеньгу... Леса перемежаются полями, деревни - на взгорках и по берегам речек... И снова луга, и леса... Просторно и не тесно на нашей земле. И вспоминаются строчки ещё одного поэта, нашего земляка: «Вижу чудное приволье, / Вижу нивы и поля... / Это русское раздолье, / Это русская земля»...

... А через день еду в Великий Устюг, правда, уже один. По той же самой дороге - через Сухону, минуя Сокол и Кадников, с остановкой в Воробьеве, где тоже не раз бывал я на «Романовских чтениях»...

Рубцов писал, что «дороженька» до Устюга лежит «через город Тотьму и леса». Так и было. А нынешняя дорога минует Тотью. Леса, правда, и по этой дороге ещё хватает... Вот мелькнул памятный перекрёсток, на котором только два дня назад стояли с Ириной,

*И поверю, что все остается,
как прежде.*

*Просто письма мои
не находят тебя,*

*Равнодушной душе
они только игрушка.*

*И грустишь ты,
ревнуя меня и любя,*

*Доверяя печали
и слезы подушке.*

*И зовёшь.
И не надо мне больше равнять*

*Свои муки с печалью моей
ненаглядной.*

*Надо все превозмочь,
надо сердце унять,*

*Обгоняя ветра,
мчаться к ней безоглядно.*

*Прилететь, постучаться
в неведомый час,*

*И, когда торопливо
откроются двери*

*И слезинка блеснёт
из распахнутых глаз,*

*Прошептать: «Я люблю».
И понять, и поверить.*

Как же не поехать в гости к автору таких стихов!

Ещё в девяностые годы я узнал и

И вот эта встреча случилась... Автобус пересёк мост через широкую в низких пологих берегах Сухону. Николай Созонтович Алёшинцев встречал меня на остановке. С ним был его друг Анатолий Серафимович Чуркин. Позже я узнал, что он, как и Алёшинцев, много лет отдал работе в сельском хозяйстве, а потом ещё был депутатом и председателем местной Думы. Вы знаете, я верю депутатам, которые ездят на «Нивах». На «Ниве» и возил нас по Устюгу Анатолий Серафимович.

Город не сразу открылся мне - новый район, где я вышел из автобуса не особо выразителен - обычные кирпичные постройки. И всё-таки, малоэтажность домов и неширокие улицы уже создавали некий городской уют. А когда наша «Нива» выехала в старый город, а затем на набережную, восторг наполнил душу...

Николай Созонтович и здесь уже дарил и подписывал книги своим многочисленным знакомым и друзьям. Подобной популярности, как у него, я ещё не видел. Оба неполных дня через каждые несколько метров Алёшинцев с кем-то здоровался, обнимался, разговаривал, все были ему рады и готовы помочь. А ведь он и не в самом Устюге живёт, ещё несколько десятков километров до его деревни...

... Передо мной развернулась во всей мощи (совсем неиспользуемой ныне) Сухона - чуть дальше, левее, она сольётся с Югом и даст начало великой реке Северной Двине... Последствия вешенного наводнения уже не видны, хотя они, конечно, серьёзные, об этом рассказывали мне устюжане... Храмы выстроились в ряд по набережной - как готовые к отплытию корабли. Но нет, им стоять на своих причалах, возносить к небу кресты, благословлять странствующих и путешествующих. Отсюда уходили встречи солнцу Дежнёв, Хабаров, Атласов... Во многом, благодаря вологжанам, тотмичам, устюжанам приросла Россия Сибирью и Дальним Востоком...

И, между прочим, отсюда в начале прошлого века перебрался в Вологду мой дед Семён Платонович Ольшук. Не чужая мне эта земля. Может, и поэтому так напрягаются скулы и холодеет в груди, когда смотрю в заречную даль, иду по этим тихим приветливым улицам...

И вот началась встреча читателей с писателем Николаем Алёшинцевым и представление его новой книги. Как тут не порадоваться за товарища - полный зал людей, книги нарасхват, выступления музыкантов, добрые слова земляков...

А рядом со мной сел Василий Ситников... И в зале были и Любовь Данилова, и Ольга Кульневская, и Андрей Климов...

И я тоже сказал, как мог, о замечательном писателе Николае Алёшинцеве и его прекрасной книге «Никитино счастье»...

Вся эта поездка, эти встречи и разговоры стали и моим личным счастьем.

Мы часто говорим о том, что надо беречь истоки... Конечно! Но и устья надо беречь, и русла. (По одной из версий, название «Русь» произошло именно от «русла»: страна «русл», рек).

Россия - храни свои истоки, береги свои русла и устья! Храни себя, храни...

**Вологда - Усть-Печеньга -
Тотьма - Вологда -
Великий Устюг - Вологда.
Июль 2016.**

Храмы Великого Устюга

закаты? Жили, любили, рыбачили, охотились, мечтали, конечно же, о счастье... Не были они никакими «дикарями»...

Обратно надо было ехать через Тотью. Александр Васильевич подвёз нас до самого автовокзала. Там мы и простились с ним и с Татьяной.

Купив билет до Вологды, мы ещё прогулялись по Тотье, ставшей за последние годы нечужой мне - здесь были встречи в библиотеках, отсюда ехали мы в деревню Нинолу, «где кончил начальную школу» Николай Рубцов... К нему, к Рубцову, сидящему на берегу Сухоны, и пришли. Тоже посидели на скамеечке... «Зачем ты, ива, вырастаешь над судоходною рекой...» Нет, Николай Михайлович, не судоходная ныне Сухона...

А на автовокзале нечаянная радость - встречаем наших друзей из Николы: Ольгу и Викторю Мартюковых, маму и дочку. И нам привет из Николы, и от нас - привет Николе...

Речка Толшма, на которой стоит деревня Никола (село Никольское), тоже приток Сухоны... Все мы связаны реками, каналами, озёрами, все на одних берегах живём. И если я еду, например, в Кириллов (к моему другу отцу Владимиру), то через канал и дальше по речке Порозовице я могу попасть в Кубенское озеро, из него в Сухону, из Сухоны, например, в Лежу и дальше в речку моего детства Еду... Не толь-

ко проехали и отворотку на Тотью... В Устюг, в Устюг, в Великий Устюг... Что-то сказочное, древнее в этом имени... И что-то родное.

В Великом Устюге я до этого бывал дважды, оба раза зимой. Давно. И поездки тогда были почти случайные, не принёсшие знакомств.

Сейчас я ехал на представление книги Николая Алёшинцева в центральной районной библиотеке. Книга хорошая, о которой я уже написал небольшой отзыв, и готов был с удовольствием и сказать своё мнение. А ещё вёз газету «Маяк» с большой поэтической подборкой Николая Алёшинцева, где были, например, такие стихи:

*Или письма мои
не находят тебя,*

*Иль слова в них
жестoko тебе досаждают.*

*Не гудят поезда,
на секунды деля*

*Твою ночь.
Ничего я, родная, не знаю.*

*Не могу ничего ни понять,
ни забыть.*

*Стынет сердце в снегу
беспросветной разлуки.*

*Мне бы птицей о лёд,
мне бы волком завывать*

*И сломать от бессилья
ненужные руки.*

*Только вдруг все не так.
И навязчивый сон*

*Хочет просто убить и любовь,
и надежду.*

*Отвернусь
от зияющих тьмою окон*

полюбил поэта из Великого Устюга Василия Ситникова, видел его лишь мельком на выступлении в Вологде в драмтеатре (был, кажется, юбилей Вологодской писательской организации). Твердил как заклинание его строчки:

*«Пусть слово тяжёлым колосом
Взростёт, на миру уронено.
Зачем говорить в полголоса -
Мы у себя на родине!»*

И сейчас я надеялся, наконец-то, познакомиться с Василием Харлампиевичем.

Незадолго до этой поездки я прочитал повесть устюжанки Любови Даниловой «Каменная птица папороть». Давно я не читал с таким интересом (на эту повесть я тоже написал отзыв)... Впрочем, надо тогда называть всех литераторов Великого Устюга (большинство из них - члены литературного объединения «Северок»). Но я назову тех, кого знаю (да не обидятся на меня остальные): Ольга Кульневская, хороший очеркист, интересный поэт, талантливый организатор; замечательные поэты из Красавина Вера Багрецова и Андрей Климов; яркий публицист и автор лирической прозы Антонина Смолина; молодая поэтесса Елена Филимонова... Некоторые из них лишь по какому-то недоразумению (на мой взгляд) не являются членами Союза писателей... Впрочем, это отдельный разговор...

Я ехал в автобусе и думал обо всем этом, о встрече с Великим Устюгом и его людьми...

Василий Харлампиевич Ситников живёт в Великом Устюге. В центральной печати публикуется редко. Автор нескольких книг, член Союза писателей России. Сейчас готовится к изданию поэтический сборник Василия Ситникова «Созвездие Волка». Да, собственно, всё уже готово, дело за малым - деньгами...

... Глядя на макулатурные завалы в книжных магазинах больших и малых городов, невольно думаю: «Неужели никогда не достигнут этих прилавков и стеллажей книги Василия Ситникова и подобных ему талантливейших авторов из глубинки?» Жалко читателей... Но, может, хоть здесь кто-то прочтёт.

Даю в сокращении предисловие к сборнику, написанное Николаем Алешиным, и подборку стихотворений из будущей книги. Д. Е.

Отражение

Сборник Василия Ситникова «Созвездие Волка» настолько полное, масштабное произведение о судьбах и чувствах человеческих, что, знакомясь с ним, ловишь себя на мысли, что говорить-то больше не о чём, всё сказано; и достаточно просто, читая страницу за страницей, наслаждаться поэтическим даром и силой образов...

Неблагодарное дело объяснять стихи, они в этом не нуждаются, да и не высказать так, как это удалось Василию Харлампиевичу. Мы и не будем этим заниматься. Мы будем читать, с каждой строчкой всё более признавая совершенство и силу поэтического таланта. Но для нас и это не главное. Куда важнее, да, собственно, и нужнее, какие чувства распадутся в душе нашей навстречу мыслям и горячим, словно только что из сердца, словам и строчкам...

Великое таинство сопереживания происходит в нас как бы помимо нашей воли. Мы плачем и смеёмся и, может быть, как никогда раньше, приближаемся к высокой радости ощущения себя Человеком.

Читайте «Созвездие Волка», это поэзия о нас с вами, это зеркало, всматриваясь в которое, можно снова пережить радости детства, испытать сердечное волнение первой любви и погрузиться о скоротечности жизненного времени.

Николай АЛЕШИНЦЕВ, член Союза писателей России.

Так и стынут на ходу
С холоду,
Перед каждым гадом гнут
Головы.
До жидовских каблуков
Ластятся,
Суета, а не любовь
На сердце.
Разобзились на мирки

«Гляди на огонь, гляди...»

(Из сборника «Созвездие Волка»)

Василий Ситников

Узкие,
А ещё себя зовут
Русскими.

***

Я родом оттуда,
Из давности давней,
Судов перегуды
За пристанью дальней.
Кругом лес и поле,
И чистые реки
Животворили
Добро в человеке...
Ещё не померкли
Любовь и надежда,
О людях судили
Не по одеждам.
И самой хорошей
Под россыпь гармошек
Плясала певунья
В платье в горошек.
И, словно на диво,
На девичьи плечи
Смотрел я ревниво,
Частушкой привечен.
И рдел от волненья...
О, добрый рачитель,
К чему наставленья,
Молчите, молчите...

***

На полях пробилась всходы,
Лес очнулся ото сна,
И несёт куда-то воды
Беспокойная весна.
То ли к небу,
То ли к морю,
То ли к серым островам.
Я своим дыханьем вторю
Песням, звукам и словам.
А когда промчатся птицы
Вдаль. Захочется и мне
Неба чистого питья
И растаять в тишине.

***

Когда ночь сомкнётся над лугами,
Когда все в округе будут спать,
Лёгкими, незримыми шагами
Подойдёт к моей кровати мать.
Подойдёт, ни слова не уронит,
Только будет мять платок в руке,

1967 г.

Я коснусь морщинистой ладони
И прижму её к своей щеке.
Посмотрю в глаза ей

тёплым взглядом,

Трону припорошенную прядь.
Мне, признаться, ничего не надо,
Надо, чтобы улыбнулась мать.

1972 г.

СИНЯЯ ПЕСНЯ

«По лесам, по полосам, босиком...»
О. Фокина

Мы шагали по траве босиком,
Ты играла голубым васильком,
Ты смеялась надо мной, а мне вслед
Лился песен переливчатый свет.
В синем небе плыли вдаль облака,
Синей лентой извивалась река,
Синим шариком вращалась Земля,
А на ней синели синью поля.
Пели ветры, выпадали дожди,

Впереди всё так ясно и просто
И возврата к исходному нет.

***

Гляди на огонь, гляди,
Пока есть запал в груди.
Безумству мечты радив –
Гляди на огонь, гляди.
Рыдает осенний дол,
Качается в сенах пол,
И ветер в трубе гудит –
Гляди на огонь, гляди.
В нём прошлых веков настой,
В нём песни твоей настрой,
С ним пришла боль в груди –
Гляди на огонь, гляди.
И меч по руке, и щит
Здравский кузнец скуёт.
Кто в этом огне сгорит,
Тот заживо не сгниёт...
Гляди на огонь, гляди...

Василий СИТНИКОВ

***

У нас тёмно-русы волосы,
Искры в глаза заронены,
Зачем говорить вполголоса,
Мы у себя на Родине.
Нам ли в раздольных вотчинах
По закоулкам прятаться,
И с правойотой оточенной
От наговоров пятиться.
Жили всегда в открытую,
Чтили отцов обычаи,
Это каким открытием
Святость их обезличили?
Страх вселили, метания
В наши сердца холодные,
Или выжить желание
Выжало злость природную?
Пусть слово тяжёлым колосом
Взрастёт, на миру уронено.
Зачем говорить вполголоса –
Мы у себя на Родине.

***

В. Коротаяеву

Напевала мать
Мне про Чуйский тракт,
Песней душу
Детскую ранила.
Было, было так,
Только не слышать,
Чтоб ту песню
Спели по радио.
Фронтоник отец,
В песнях тоже спец,
Пел про Порт-Артур
С лёгким вызовом.
Только песню ту
Ни один певец
Не исполнит
По телевизору.
Наша жизнь смешна.
Убегаем в рань
Влиться в новый день
С перегрузками.
Тяжела мошна,
А дела-то дрянь,
Коль забыли мы
Песни русские.

***

Зарубцую последнюю рану,
Заврачу душевный недуг,
Финский нож из кармана достану
И заброшу в старинный сундук.
Вы, собратья, меня не судите,
Вы меня не корите, друзья,
Моё солнце качнулось в зените,
По холмам тихо тени скользят.
Над рекой моей тучи да тучи,
По реке все валы да валы,
Мы от ветра колючего глужчи
И от чистого снега белы.
Нашей тёртой, мужицкою костью
Перепахана плотно земля,
Плачут, плачут на старом погосте
У забытых могил тополя.
Нет, никто никогда не изменит
Сути жизни во веки веков,
Знать, недолго собакам на сене
Осаждать вольный нрав мужиков.
Так давно ожидаемой вестью
Разбивается скорбная грусть,
И звенит потаённая песня,
Будоража услошную Русь.

Редактор выпуска Дмитрий ЕРМАКОВ.

***
Ни на шаг от избы с печкой,
Дым валит из трубы - свечкой.
Сяду, сяду чинить сети
Да мечтать о былом лете.
Над окном небосвод синий,
За окном - серебром иней.
А вокруг тишины - столько...
И придёт ко мне друг - Колька.
Вскипячу, заварю чаю,
За бутылкой в продмаг счалю.
По пути на крутик юркну,
Позову друга - Юрку.
Будет питья до дна чарка,
Будет в сердце весна - жаркой.
Будет тысячу раз спето.
Ах ты, лето моё, лето.
Ах вы, други мои, други,
Не беда - холода, вьюги,
А беда, что в пылу вёсен
Научились смотреть косо...
Научились ходить скользко,
Ни о чем говорить - броско.
Но и всё же, друзья, всё же
Мы друг друга понять сможем...

***

Памяти деда Зосимы

Скрипели ключичин
прибитые шкворни,
Давила удушьем небесная падь...
А туча - всё ближе,
А ветер - проворней,
А молний - мечом не разьять...
Одревнее, древнее русское счастье -
Один на один пред стихией стоять.
С бортов на шангоуты
сброшены снасти,
Чтоб после по ним не стеньать...
Свинцово набухли упругие вены,
Под выгнутым днищем
скользят валуны,
И ветер шипит,
И кровавится пена
На гребне взыгравшей волны...
2011 г.

***

Ивы мои зелёные
В паводках отстрадали.
Вечностью притомлённые,
Дышат покоем дали.
Словно судьбина чёрная,
В рытвинах, по-над логом
К Спасу Нерукотворному
Вьётся моя дорога.
Сколько ж мы понаделали,
Чтоб претерпеть подмену...
Я ещё помню белыми
Рваные эти стены...
Не преклонить бы голову
Пред сотворящим скверну...
Здесь, под небесным оловом,
Я ещё свой, наверно...
Не сожжена, не порвана
Связь под молвою острою
С этой родимой пойминой,
Что кличут Красным островом.
Где над речной разводной
Кулик о пощаде молит...
«С чего начинается Родина?»
С Воли, родимый, с Воли...

ПОСЛЕДНИЙ МУЖИК

С. Мишневу

Закрывать бы глаза, не видеть,
Молчать, прикусив язык.
Другие, в лихом прикиде,
Пусть свой исторгают зык.
Свою многозначность множат
Над терпящим ложь листком.
Ведь это не каждый может
По жизни быть мужиком...
Не каждый придержит слово,
Чтоб в прошлое не стрелять.
Хоть слишком у нас сурова
К своим сыновьям земля.
Лишь небо звездой зажённой
Крапит свято нашу гать.
Стоим, пока наши жёны
Нас держат, чтоб нам стоять.
Уйдём от родных причалов,
И тихо нам глянеть вслед
Страна, которой не стало,
Деревня, которой - нет...

***

Подо льдом удивительно чисто.
Рыбья молодь стоит в тишине.
Будто кто-то рассыпал монисто
На песчаном, просвеченном дне...
Подо льдом удивительно гладко,
Отутюжила «складки» вода.
Лишь замоина с цепкою хваткой
Не даёт здесь кидать невода.
Подо льдом, в этой глوبي застойной
Чей-то смысл бытия, чей-то «дом»...
Подо льдом так светло и спокойно...
Под моим, нарастающим льдом...

20 ноября 2014 г.